

**Корсаков Владимир Викторович**

# **В старом Пекине**

**Очерки из жизни в Китае**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84-4  
В57

В57      **Владимир Викторович К.**  
В старом Пекине: Очерки из жизни в Китае / Корсаков Владимир Викторович –  
М.: Книга по Требованию, 2022. – 368 с.

**ISBN 978-5-519-90498-8**

**ISBN 978-5-519-90498-8**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



## ОТЪ АВТОРА.

---

Событія послѣднихъ лѣтъ на Дальнемъ Востокѣ распахнули настежь двери въ Китай. Черезъ эти двери по всей странѣ пронесся ураганъ, вслѣдъ за которымъ вошла прикрываемая европейскими пушками и штыками европейская цивилизація. Пронесшійся по странѣ ураганъ смелъ съ лица земли десятки тысячъ человѣческихъ жизней, вырвалъ многое доброе съ корнемъ изъ китайской жизни и бросилъ въ эту жизнь новую закваску. Закваска хотя и вызвала сильное броженіе, но броженіе это не дало добраго, жизнепитающаго источника, не освѣжило жизни и не укрѣпило добрыхъ отношеній ни между китайцами, ни между китайцами и европейцами, ни между европейцами.

Китайцы, болѣе чѣмъ когда-либо, возненавидѣли другъ друга: вѣрные, т. е. исповѣдующіе свою религію язычники-китайцы, признали окончательно врагами своими и

измѣнниками «обращенныхъ», т. е. христіанъ-китайцевъ; европейцы, гордые своей цивилизаціей и своими пушками и штыками, болѣе чѣмъ когда-либо подняли голову и съ пренебреженіемъ стали смотрѣть на китайцевъ, какъ покоренныхъ, и на страну ихъ, какъ на свою добычу, а китайцы, болѣе чѣмъ когда-либо, возненавидѣли европейцевъ, стали бояться ихъ и не довѣрять имъ; въ отношеніи самихъ себя европейцы, болѣе чѣмъ когда-либо, раздѣлились по зависти и недовѣрію другъ къ другу. Подозрѣніе и открытая вражда однихъ къ успѣхамъ въ обогащеніи на счетъ китайцевъ къ другимъ стали основами во всѣхъ сношеніяхъ европейцевъ другъ съ другомъ.

Надо-ли искать причину, вызвавшую на Дальнемъ Востокѣ такую смуту?

Не ясно-ли, что покровительствуемая пушками и штыками вошла въ Китай не истинная цивилизація, а только изнанка цивилизаціи, уже покорившая себѣ всю Европу.

Не ясно-ли, что пронесшійся по Китаю ураганъ не былъ освѣжающей грозой, очистившей воздухъ, которымъ дышалъ народъ, а былъ бурей, принесшей заразу изъ Европы и бросилъ не свѣжія и здоровыя дрожжи,

которыя могутъ вызвать бодрую, здоровую и дѣятельную жизнь среди народа, а бросить старую, испорченную, загрязненную и зараженную закваску, которой пропитана европейская лживая цивилизація. Эта закваска только и можетъ вызвать болѣзни, вражду, горе, несчастіе и смерть. Все это мы и видимъ въ современной жизни Китая. Въ настоящее время можно несомнѣнно сказать одно: прежняго застѣннаго, неподвижнаго Китая болѣе не существуетъ. На развалинахъ его развивается новая жизнь, которая должна пройти рядъ измѣненій, пока приметъ свое опредѣленное теченіе. Какова будетъ эта новая жизнь—покажетъ будущее, о которомъ загадывать преждевременно, но будущее это очистится, пройдя лишь чрезъ потоки крови, горя, несчастій и ужасовъ, которые близки въ настоящемъ...

Прошлая жизнь, отходящая въ область преданій, оставить тѣмъ не менѣе существенно важное наслѣдство новой жизни китайскаго народа. Объ этомъ наслѣдствѣ я и рѣшилъ побесѣдовать съ читателемъ.

*В. В. Корсаковъ.*

Пекинъ, 17 марта 1903 г.

Русское посольство.



## ГЛАВА I.

Путь въ Китай въ 1895 году я совершилъ чрезъ Сибирь и Монголію. Не стану говорить ни объ этомъ 2,000-верстномъ пути на лошадахъ отъ Томска до Кяхты, ни о переправахъ чрезъ сибирскія рѣки на паромехъ-самолетахъ, ни о проѣздѣ по сибирской тайгѣ и мѣстамъ таёжнымъ съ ихъ „гнусяю“ (такъ зоветъ народъ мучительную мошку и оводовъ), ни о рѣкахъ плавежныхъ, ни о ѣздѣ „тенигусомъ“, а начну передавать свои впечатлѣнія съ выѣзда изъ Троицко-Савска, гдѣ мнѣ въ послѣдній разъ дали на почтовой станціи русскую тройку съ колокольчикомъ подъ дугой, ямщикомъ-бурятомъ на козлахъ.

Проѣхавъ по улицамъ Кяхты, мы миновали заставу и выѣхали на торговый русскій караванный путь, который ведетъ изъ Кяхты на Ургу.

Китайскій пригородъ Маймачэнъ, расположенный по легкому склону къ рѣкѣ Кяхтѣ, которую мы переѣхали въ бродъ,

остался вправо. Оба берега рѣчки невысоки.

Путь пошелъ по ровной степи съ песчаной солонцеватой почвой и бѣдной растительностью.

Въ разстояніи 7—8 верстъ отъ Кяхты мы встрѣтили рядъ правильно расположенныхъ юртъ и спутникъ нашъ, который оказывалъ всю дорогу много услугъ, Н. Н. Шулынгинъ, ѣхавшій съ нами до Калгана, сообщилъ мнѣ, что это поселеніе монголокъ, женъ китайскихъ купцовъ, живущихъ въ Маймачэнѣ.

Китайское правительство запрещаетъ выѣздъ женщинамъ китаянкамъ и купцы китайцы замѣнили здѣсь своихъ женъ монголками. Сколько можно было видѣть съ дороги, монголки живутъ зажиточно.

Но вотъ мы подъѣхали къ первой монгольской станціи—уртону, какъ здѣсь называютъ. Уртонъ происходитъ отъ монгольскаго слова „орто“—остановка. На первомъ уртонѣ Ибицкъ меня окружила толпа монголовъ и монголокъ, которая суетилась около моего тарантаса, осматривала его, трогала все руками, нюхала, смѣялась, дѣлала свои замѣчанія, всему удивлялась, начиная съ колесъ и колесной мази, которую одинъ монголъ попробовалъ даже на языкъ, и кончая моимъ пальто, пуговицами, дорожной сумкой и т. д. Я съ

тревожнымъ чувствомъ слѣдилъ за приготовляемой монгольской упряжкой, которая была, хотя и очень проста, но вселяла во мнѣ немало опасеній.

Состояла она въ слѣдующемъ.

Прежде всего концы оглобель тарантаса подняли вверхъ и крѣпко ремнями привязали къ поперечной толстой палкѣ, концы которой выдѣлялись въ стороны аршина на полтора. Затѣмъ два монгола, предложивъ мнѣ сѣсть въ тарантасъ, тронули его съ мѣста, держа за концы палки. Въ это время съ обѣихъ сторонъ одновременно стали подѣзжать верховые монголы по одному и заставляли каждый свою лошадь подойти головой подъ палку. Когда это удавалось, то палка ложилась на сѣдло монгола и упиралась по низу живота. Дикія лошади, попавъ подъ палку, неслись бѣшено впередъ и тарантасъ мчался по ровной степи съ быстротой 20 верстъ въ часъ, если не больше. Къ верховымъ тотчасъ же присоединялись еще двое верховыхъ, которые, на дѣвъ себѣ на руку петлей веревку, прикрѣпленную къ концамъ палки, скакали впереди и помогали тянуть экипажъ. Каждая 8—10 минутъ одни верховые смѣняли другихъ, ловко выводя лошадей первыхъ и на ходу вдвигая на мѣсто выбывающихъ свѣжихъ. Поражала эта ловкость и мягкость въ обра-

щеніи монголовъ съ лошадьми: не было ни битья кнутомъ, ни толканья, а все стараніе монголовъ было, чтобы лошадь поняла лаской, чего отъ нея требуютъ. Далеко, однако, не всегда удается сразу и благополучно замѣнить усталыхъ лошадей свѣжими. Если лошадь взята дикая и прямо изъ табуна, то она страшилась палки, билась, дрожала всѣмъ тѣломъ, рвалась, становилась на дыбы и часто, сбросивъ монгола съ сѣдла, мчалась въ степь. Бывали и такіе случаи, что лошади вырывались изъ-подъ палки, оглобли падали на землю и тарантасъ катился самъ по ровной степи въ силу инерціи, а монголы старались снова подвести лошадей. Нерѣдко паденія съ лошадей сопровождаются не только сильными ушибами, но переломами ногъ, сотрясеніемъ мозга. Справедливой поэтому является жалоба монголовъ на неприспособленность для нихъ европейскихъ тарантасовъ, которые бываютъ нерѣдко велики и тяжелы. Монголы часто болѣютъ животами и наживаютъ себѣ грыжи вслѣдствіе такой ѣзды, такъ какъ вся тяжесть тарантаса ложится у нихъ на животъ и они животомъ везутъ на себѣ тарантасъ. Особенно тяжело подымать экипажъ въ гору при такомъ способѣ ѣзды: видно, какихъ усилій стоитъ монголу удерживать на себѣ палку, которая стаскиваетъ его почти съ сѣдла и онъ дол-

женъ изогнуться совсѣмъ къ головѣ лошади, чтобы удерживать на животѣ своемъ палку.

Съ уртона выѣзжаетъ всегда человекъ 12—15 монголовъ и столько же запасныхъ лошадей для перемѣны. Въ числѣ ямщиковъ-монголовъ или, какъ ихъ называютъ, „улачи“ всегда есть двѣ—три амазонки-монголки, молоденькія дѣвушки, которыя точно также везутъ тарантасъ, вѣзжая подъ палку или ведутъ запасныхъ лошадей. Монголки молоденькія чрезвычайно миловидны, граціозны, веселы. Ихъ смуглыя скуластыя лица, живые, черные глаза, улыбающійся ротъ съ блестящими бѣлыми зубами, чудная черная коса, спускающаяся ниже пояса и прикрѣпленная къ нему концомъ, чтобы не мѣшала при ѣздѣ, ихъ удалъ и вся ихъ фигура именно дышетъ прелестью свободы степей. Старухи-монголки не безобразны. Вся группа всадниковъ представляетъ собою чрезвычайно яркую живописную картину. Монголы въ широкихъ балахонахъ синяго, желтаго, оранжеваго, ярко-краснаго и темнокраснаго цвѣтовъ, въ конусообразныхъ шляпахъ, или съ непокрытой головой, гладко бритой, если принадлежать къ сословію ламъ, т. е. посвященныхъ съ дѣтства родителями въ монашество, или съ косой, спущенной на спинѣ, въ самыхъ разнообразныхъ головныхъ повязкахъ цвѣтными

тряпками, и амазонки, вносящія изящество женской натуры въ грубыя и загорѣлыя фигуры мужчинъ—все это несется бѣшено впередъ, гикаетъ, гоняется другъ за другомъ, смѣется, падаетъ, быстро вскакиваетъ снова на лошадь и снова несется впередъ и впередъ. Вѣтеръ надуваетъ ихъ балахоны словно пузыри на спинѣ, головныя повязки развѣваются своими цвѣтными концами, все пестро, ярко, живописно, все свободно-весело, смѣло и беззаботно.

Мы неслись по обширной степи, которая ограничивалась живописными горизонтами окружавшихъ ее горъ Ибицихъ-ула, Дэльгеръ-ханъ, Дуланъ-ханъ. Степь, по мѣрѣ удаленія нашего, стала все болѣе и болѣе оживляться присутствіемъ луговой цвѣтущей растительности, а общее настроеніе наше становилось все бодрѣе и спокойнѣе.

Уртоны расположены не одинако, а сообразно мѣстнымъ условіямъ; есть уртоны на разстояніи 15—20 верстъ, а есть и на разстояніи 60—80 верстъ. Зависитъ это расположеніе отъ близости колодцевъ, отъ пастбищъ, отъ близости кочевья. Населенность уртона тоже различна: отъ нѣсколькихъ юртъ до цѣлаго селенія, что зависитъ отъ значенія уртона, являющагося не только почтовымъ пунктомъ, но и военно-наблюдательнымъ по-